

С.А. Богданчиков

ОТ Л.С. ВЫГОТСКОГО К Г.И. ЧЕЛПАНОВУ И ОБРАТНО

Статья представляет собой опыт историко-научной реконструкции заочной дискуссии между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым по ключевым проблемам психологии: относительно кризиса в психологии, значения философии вообще и марксистской философии в частности для психологии, дальнейших перспектив развития психологической науки. На основе тщательного анализа работы Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» и работ Г.И. Челпанова 1920-х гг. вскрываются основные причины расхождения научных взглядов Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова, а также указывается на близость и совпадение их взглядов по отдельным принципиальным вопросам.

Ключевые слова: История советской психологии, эмпирическая психология, научная дискуссия, кризис, марксизм (в психологии), общая психология, методология психологии.

Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? От этого убыток казне.

Н.В. Гоголь. «Ревизор».

В современных работах можно найти самые высокие оценки Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова — выдающихся отечественных ученых-психологов, организаторов науки и лидеров научных школ. Но как соотносятся по своим научным взглядам и убеждениям эти две столь значимые для нас фигуры друг с другом? Должны ли мы в вопросе о своих исторических корнях по-прежнему исходить, как это было принято в не столь уж давние советские времена, из признания неразрешимого антагонизма между Челпановым и Выготским и, соответственно, ограничиваться чем-то одним: либо мы «челпановцы», либо — «выготчане»? Или же следует исходить из того, что у Челпанова и Выготского было нечто их сближающее и объединяющее — нечто общее, что позволило бы нам сейчас не противопоставлять Челпанова и Выготского и их научные школы друг другу, а рассматривать их в исторической связи и единстве и на законных основаниях считать себя таким образом наследниками и продолжателями дела *обоих* ученых [6]?

Трудность при разрешении этой дилеммы состоит прежде всего в том, что если в работах Выготского фамилия Челпанова упоминается довольно часто, то в работах Челпанова двадцатых годов ссылок на Выготского нет. Дополнительную трудность в поисках общего между Выготским и Челпановым придает то обстоятельство, что работа Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», о которой и пойдет речь ниже (в других работах Выготского можно найти лишь самые краткие упоминания о Челпанове), была впервые опубликована только в 1982 г. [1]. Вследствие этого у Челпанова, естественно, не было никакой возможности ознакомиться с ней и дать ответ в своих последних публикациях 1924–1927 гг. Тем не менее и в имеющихся источниках обнаруживается достаточно информативный материал, позволяющий судить о взглядах Выготского и Челпанова в их соотношении друг с другом.

Итак, приступим.

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Выготский

многократно упоминает фамилию Челпанова. Общее отношение Выготского к Челпанову можно охарактеризовать как очень эмоциональное и личное, высвечивающее кардинальное несовпадение взглядов. Негативизм в выражениях и оценках, демонстрируемый при этом Выготским, поражает своей нацеленной избирательностью, силой и экспрессивностью, резкостью и прямолинейностью. Примеров тому можно привести великое множество.

Выготский характеризует Челпанова как эмпирика, эклектика, популяризатора, консерватора и соглашателя [см. 1, с. 409], причем всем этим определениям придается исключительно негативный смысл. Порочность взглядов Челпанова проявляется в том, что он не приемлет нового, выступает против реформы психологии, «приноравливает» свои тезисы к текущему моменту, не видит и не понимает кризиса в психологии [1, с. 370], пытается отрицать все исторические тенденции развития психологии и сводит все проблемы только к терминологической революции [1, с. 419]. При обсуждении одного из важных вопросов Челпанов демонстрирует «изрядную долю нижегородского провинциализма» [1, с. 426–427]. В другом случае Челпанов использует такие аргументы и рассуждения, на которые способен только «безграничный невежа или рассчитывающий на чужое невежество» [1, с. 429–430].

Не менее показательны и то, что, поднимая проблемы общей науки и общей психологии, отстаивая право рассуждать «просто о психологии» [1, с. 430] и анализируя различные эпитеты психологии (общая, научная, марксистская и др.), Л.С. Выготский упоминает работы Л. Бинсвангера, Х. Геффдинга, Г. Мюнстерберга, А.И. Введенского, В.Н. Ивановского, Н.Н. Ланге, но совсем не говорит о том, как ставил и решал эти проблемы Г.И. Челпанов. Выготский совершенно не замечает

у Челпанова рассуждений о соотношении философии и психологии (близких, кстати, к рассуждениям охотно и с симпатией цитируемого Выготским С.Л. Франка) и не касается того, как в работах Челпанова обсуждаются понятия «философская психология» и «теоретическая психология», а также соответствующие проблемы. Для Выготского И.П. Павлов оказывается более значимым авторитетом в психологии, чем В. Вундт — что уж тут говорить о Челпанове! Выготский даже защищает Павлова от критических высказываний со стороны Челпанова [см. 1, с. 364–365].

Выготский стремится подчеркнуть несостоятельность Челпанова во всем, даже в формально-логическом плане (не будем забывать, что Челпанов был автором выдержавшего несколько изданий учебника логики). Так, например, с точки зрения Выготского, два утверждения Челпанова — о том, что психология нуждается в предварительной (предваряющей) философской подстройке, и о том, что психология должна быть свободна от какой-либо философии — противоречат друг другу. Точно так же слова Челпанова о том, что в основу объективных экспериментальных методов должен быть положен метод феноменологический [1, с. 385], противоречат ранее сделанному Челпановым утверждению о том, что «психология только эмпирична, исключает по самой природе своей идеализм и независима от философии» [1, с. 386]. Случаи, когда Выготский положительно отзывался о Челпанове, можно пересчитать по пальцам, причем речь в них идет о незначительных вопросах.

С нашей точки зрения, такое отношение Выготского к Челпанову во многом определялось имевшимися у Выготского представлениями о психологии в целом. Все дело в том, что общее состояние современной психологии Выготский оценивал как кризисное. Вообще, понятие «кризис» — одно из центральных в работе

Выготского. Оно содержится уже в названии работы и очень часто встречается в тексте. Уже в самом начале работы Выготский пишет о методологическом кризисе как о «некотором поворотном пункте» на пути развития психологии как «общей науки» [1, с. 292]. В другом месте Выготский пишет о том, что «первое, от чего мы отправляемся, — это признание кризиса» [1, с. 370]. Выготский хочет постичь объективный смысл «происходящего в психологии кризиса» [1, с. 324], овладеть «настоящим и верным смыслом происходящей катастрофы» [1, с. 324] и даже построить «теорию кризиса» [1, с. 377].

При этом на протяжении *всей* работы речь идет о кризисе исключительно как о негативном явлении — болезни науки, катастрофе в науке: исследуется «инфекция» и «патология» в науке [1, с. 355], рассматриваются «вопросы жизни и смерти» для психологии, психологии ставится «диагноз» [1, с. 356], указывается на то, что «смутное состояние языка в науке отражает смутное состояние науки» [1, с. 357], что «слово отражает общую болезнь науки» [1, с. 368]. Выготский прямо пишет: «Мы уподобляли вслед за Спинозой нашу науку смертельно больному в поисках за безнадежным лекарством; теперь мы видим, что только нож хирурга может спасти положение. Предстоит кровавая операция; многие учебники придется разодрать надвое, как завесу в храме, многие фразы потеряют голову или ноги, иные теории будут разрезаны как раз по животу. Нас занимает только грань, линия разрыва — черта, которую опишет будущий нож» [1, с. 411]. Не менее показательны и слова Выготского о том, что «мы все время, не напоминая, держимся сравнения, подсказанного Спинозой, психологии наших дней с тяжелобольным» [1, с. 355].

Выготский, таким образом, строит представление о развитии и функционировании психологии с помощью «медицинской метафоры»: психология больна,

вследствие чего ей требуется поставить правильный диагноз и прописать адекватные средства лечения. При этом медицинская метафора в руках Выготского выражается преимущественно в негативных определениях психологии, т.е. в подчеркивании того, чего у психологии нет, по сравнению с другими, более развитыми науками — физикой, биологией, математикой, геометрией.

Кризис (он же болезнь) — таков безапелляционный вердикт Выготского. А как же обстоит дело с преодолением кризиса, т.е. с лечением? И в этом пункте Выготский настроен не менее решительно и революционно.

Ставя вопрос о том, «идет ли психология к соглашению или к разрыву» [1, с. 376], Выготский отвергает выход из кризиса путем соглашения, примирения, синтеза, взаимного дополнения противоборствующих точек зрения. Сведя все многообразие «психологий» к двум психологиям, а взаимоотношения между ними — исключительно к противопоставлению и противоборству, Выготский спрашивает: «Но как возможна *одна* наука о *двух* принципиально, качественно разнородных и несводимых категориях бытия?» [1, с. 398]. В этом вопросе Выготский отстаивает тезис о разрыве и расколе внутри психологии и выживании только одной из противоположных точек зрения. Отметим, что тезис о двух психологиях был уже в то время банален. Да и сам Выготский это осознавал, констатируя: «В сущности, мы пришли к давно установившемуся в нашей науке мнению о глубокой двойственности ее» [1, с. 386]. Также без обиняков и уверток Выготский отмечает в работе, что «историческая и методологическая догма о растущем разрыве двух психологий как формула динамики кризиса ... оспаривается многими» [1, с. 393].

Указывая, что смысл кризиса понимают по-разному, Выготский выделяет ряд «важнейших типов истолкования

этого смысла» [1, с. 370]. Те, кто не видит кризиса, — это эмпирики, эклектики, популяризаторы [1, с. 370]. По этой классификации Э.Л. Торндайк, У. Пилсбери и К. Коффка — это эклектики, пытающиеся осуществить синтез старого и нового языков, тенденций, противоборствующих сил [1, с. 359]. Челпанов здесь, что характерно, един в трех лицах, являясь объектом критики по всем направлениям, но прежде всего он — не приемлющий нового эклектик. Если же попытаться свести воедино все высказывания Выготского о том, как известные психологи относились к кризису, то окажется, что Э.Б. Титченер был эклектиком, В. Вундт ошибался и потерпел неудачу в привнесении метода эксперимента в психологию, У. Джемс ждет своего Галилея в психологии, Н.Н. Ланге видит кризис, но не понимает его сущности, В.А. Вагнер тоже видит кризис, но представляет «всю картину в ложном свете» [1, с. 376]... а Челпанов вообще не видит кризиса.

При этом жало проводимой Выготским критики направлено против дуализма. Дуализм в психологии, по Выготскому, — это и есть сущность кризиса в психологии. Дуализм есть настоящая причина кризиса, т.е. болезни, катастрофы в современной психологии. Но где же тогда, спросим, анализ работ В. Вундта, У. Джемса, Г.И. Челпанова и других представителей эмпирической психологии, в которых они ставят этот вопрос о дуализме и предлагают свои решения, оценивая гипотезы параллелизма и взаимодействия? Что писали эти авторы об исходной проблеме, как они разрешали для себя «основной вопрос психологии»? Парадоксальным образом Выготский сначала не замечает всю уже имеющуюся традиционную методологию психологии, а затем с жаром начинает доказывать, что решение методологических вопросов в психологии — это «вопрос жизни и смерти», что необходимо создание методологии психологии и т.д.

Обратим внимание, что Выготский, критикуя Челпанова, фактически критикует всю эмпирическую психологию. Это означает, что отношение Выготского к Челпанову во многом определялось отношением к эмпирической психологии вообще. При этом Выготский изначально отбрасывает тезис о существовании психологии как единой науки даже на уровне самых общих принципов, в частности принципа эмпиризма. Выготский прямо пишет: «Обычно эмпиризм принимают на веру, без дальнейшего анализа, и трактуют все многообразие психологий как некоторое принципиально осуществленное научное единство, имеющее общий фундамент, — и все разногласия понимаются как вторичные, происходящие внутри этого единства. Но это ложная мысль, иллюзия. На деле эмпирической психологии как науки, имеющей хотя бы *один* общий принцип, нет, а попытка создать ее привела к поражению и банкротству самой идеи создать только эмпирическую психологию» [1, с. 377].

Для Выготского история психологии (точнее, та ее часть, которая непосредственно соприкасается с современной психологией) начинается с 10-х гг. XX в. в виде бихевиоризма, психоанализа и других современных теорий и подходов. Поэтому вполне закономерно, что, когда Выготский указывает четыре основные психологические идеи (психоанализ, рефлексология, гештальтпсихология, персонализм) [см. 1, с. 306], среди них отсутствует эмпирическая психология с ее представлениями (сознание, психика, интроспекция, ассоциация и т.п.). Более того, эмпирическая психология относится к современной психологии так же, как алхимия к химии или астрология — к астрономии (тезис Д. Уотсона, очевидно, разделяемый и самим Выготским). Эмпиризм в психологии ведет к эклектике [1, с. 380], у эмпирической психологии «перешиблен хребет», ее «методологическая конструкция»

порочна [1, с. 381]. «Что же такое эмпиризм современной психологии? Прежде всего, это понятие чисто отрицательное и по историческому происхождению, и по методологическому смыслу, и по тому одному не может объединять что-либо» [1, с. 377]. Эмпиризм, подчеркивает Выготский, цитируя А.И. Введенского, означает «отказ от выбора определенного философского принципа, отказ выяснить свои конечные посылки, оознать собственную научную природу» [1, с. 378].

Тем самым эмпирическая психология, указывает далее Выготский, хочет уподобить себя естествознанию, но про естествознание нельзя сказать, что оно и не материалистично, и не идеалистично (что оно «приемлемо» для этих направлений, как говорится в цитате А.И. Введенского). На самом деле, утверждает Выготский, опираясь на понимание материализма по В.И. Ленину, естествознание «стихийно материалистично». Выготский приводит также ленинское суждение о том, что признание в качестве предпосылки «объективно, вне нас закономерно существующей и познаваемой действительности» есть «существо материализма» [1, с. 378]. В другом контексте Выготский восклицает: «Где границы между материализмом и идеализмом? Есть психологические теории и даже много учебников, которые, несмотря на то, что говорят только об элементах сознания, бездушнее, бессмысленнее, тупее, материалистичнее, чем растущее дерево» [1, с. 395]. Вряд ли стоит сомневаться, что это отношение Выготского к учебникам по психологии может быть полностью перенесено и на учебники Челпанова.

Крайности, с точки зрения Выготского, — это А.И. Введенский (только интроспекция) и В.М. Бехтерев (только объективный метод). Аналогичным образом — указывая крайности — Выготский поступает при определении границы между идеалистической и материалистической

психологией: «Мы утверждаем, что эта линия проходит между формулой Гуссерля и Фейербаха» [1, с. 411]. Ясно, что Челпанов со своей средней, неопределенной, промежуточной и эклектической позицией попадает в поле зрения только во вторую очередь.

Впервые фамилия Г.И. Челпанова упоминается только на 345-й странице работы, и это не случайно, ибо для Выготского эмпирическая психология была всего лишь одной из школ, причем школой, уже отжившей свое. Ведь для В. Вундта эксперимент — «корректив самонаблюдения», «эксперимент не расширяет познания, а контролирует его» [1, с. 346]. «Ошибка Вундта» [1, с. 351] состояла в том, что надо было освободиться от интроспекции, а не связывать себя ею. Кроме того, Вундт «слепо» (?) перенес метод эксперимента, математический метод из естественных наук в психологию, что означает «полное бессилие перед изучаемыми явлениями» [1, с. 354]. «Только эмансипация от интроспекции, выключение ее, как глаза в физике; только разрыв и выбор одной психологии дают выход из кризиса» [1, с. 393]. Но разве Г.И. Челпанов не утверждал (а вслед за ним и К.Н. Корнилов с П.П. Блонским), что самонаблюдение — это вовсе не единственный метод, что самонаблюдение необходимо проводить под контролем объективных методов?!

Здесь самое время перейти к рассмотрению позиции Челпанова по всем этим вопросам.

В целом создается впечатление, что у Выготского и Челпанова речь идет о каких-то двух совершенно разных психологиях. Если и можно у Челпанова в дореволюционных работах и в работах 20-х гг. найти какую-либо метафору, то это будет вовсе не медицинская метафора. Психологическая наука у Челпанова — это здоровый, развивающийся организм, это наука, которую ждет блестящее будущее

в XX столетии. В 1926 г. Челпанов писал: «Для меня нет никакого сомнения в том, что психологии в будущем принадлежит первенствующее место среди других наук. Если XVIII век был веком “просвещения”, если XIX век был веком “естествознания”, то XX век будет веком “психологии”. Огромные социальные проблемы, выдвигаемые жизнью, требуют изучения социальной психологии. Научная мысль будет направлена на изучение не природы, а человека. Не природа, а человек и его социальная структура будет главным предметом научного интереса» [4, с. 4].

Как видим, по Г.И. Челпанову, психология — наука о сознании, изучаемом с помощью интроспекции. При этом психология, как и любая другая наука, развивается кумулятивно и постепенно, расширяя свою область, накапливая материал, выдвигая все более совершенные теории. Поэтому смысл всей полемики с многочисленными оппонентами — В.М. Бехтеревым, П.П. Блонским, К.Н. Корниловым, Н.Н. Ланге, А.П. Нечаевым и другими — для Г.И. Челпанова заключался в том, чтобы не просто отстаивать свое представление о науке, а отстаивать психологию как самостоятельную науку, защитить ее от редуccionистских, как мы сказали бы сейчас, тенденций, т.е. от попыток свести ее к физиологии, рефлексологии, физике или биологии, полностью растворить ее или же сделать ее составной частью, одним из разделов этих наук.

Понятно, что из столь различных исходных диагнозов (у одного врача пациент практически здоров, у другого — тяжело болен) вытекают столь же различные средства и способы лечения, а также представления о ближайших и отдаленных перспективах в судьбе «пациента». Точки несовпадения взглядов Выготского и Челпанова налицо: во-первых, Челпанов никогда не оценивал состояние современной психологии как кризисное;

во-вторых, Челпанов видел разрешение определенных проблем психологии не в разрыве, расщеплении психологии на две (с дальнейшей победой одной из них), а в синтезе, объединении и примирении.

Заметим, что Выготский пишет об эклектике в психологии, когда говорит, например, о попытках соединить К. Маркса и З. Фрейда, и сам не хочет быть эклектиком. Но ведь того же не хочет, только на свой лад, и Челпанов! Позиция Челпанова (в изложении Выготского): не нужно никакой реформы психологии, в крайнем случае можно ограничиться терминологической революцией; но простая смена терминологии и перемена слов — это «смешное дело» [1, с. 359].

В этой связи напомним, что исходный тезис Челпанова заключался в утверждении, что психология не больна, она вообще не находится в кризисе и тупике. Челпанов и до революции, в отличие от Н.Н. Ланге и С.Л. Франка, не писал о кризисе в психологии. Почему же ему надо было это делать в 20-е гг.? Далеко не у всех психологов, занимавшихся глобальными проблемами психологии как до революции, так и уже в 20-е гг., было «кризисное» мышление.

Выготский выступает в роли спасителя психологии, которая оказалась в кризисе, и чем сложнее задача, тем величественнее его подвиг по спасению психологии из кризиса, пропасти, тупика. У Челпанова дело обстоит по-другому: психология не находится ни в каком тупике и кризисе, ни в какой пропасти. Проблемы, конечно, есть (в частности терминологические и идеологические), но в целом все идет как надо, постепенный прогресс налицо и психологию в XX в. ждет блестящее будущее. Может быть, именно из-за такой разницы в «диагнозе» (откуда автоматически следует разница и в курсе «лечения») Челпанов был органически невыносим для Выготского.

Челпанов с самого начала дискуссии с новыми психологами-марксистами (К.Н. Корниловым, П.П. Блонским и др.) ясно осознал значение терминологического аспекта проблемы «психология и марксизм». Основным приемом и защитой, и нападения для Челпанова стало последовательное различие двух видов материализма – по Марксу и вульгарного. Челпанов доказывал, что его психологические взгляды соответствуют марксизму, а воззрения психологов-марксистов на психику являются вульгарно-материалистическими. Вслед за своими критиками, возвращаясь к взглядам и оценкам, высказанным ранее в книге «Мозг и душа», Челпанов, в частности, писал: «Я отвергал материализм Бюхнера (а его отвергал и Маркс) и признавал материализм Спинозы (Маркса). Но до 1922 г. мы называли материализмом вульгарный (Бюхнера), а с 1922 г., по примеру Маркса и Энгельса, мы должны (по старой терминологии) и психофизический параллелизм называть материализмом, но должны в то же время решительно отличать этот материализм от материализма Бюхнера» [3, с. 30].

Выготский, что характерно, по этому поводу вынужден был признать: «Не так уж не прав Челпанов, когда говорит, что до 1922 г. он называл эту доктрину параллелизмом, а с 1922 г. – материализмом. Он был бы вполне прав, если бы его философия не была приноровлена к сезону несколько механически» [1, с. 368]. Но были у Челпанова другой способ заявить свою позицию, оставаясь одновременно в рамках науки, философии и официальной (т.е. обязательной) идеологии?!

Здесь мы выходим на некоторые принципиально важные *общие моменты* во взглядах Выготского и Челпанова.

Развивая мысль о необходимости создания методологии психологии, Выготский писал: «К. Маркс назвал “Капитал” критикой политической экономии. Вот такую критику психологии хотят

перепрыгнуть ныне. “Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма” (см. [2] – С.Б.), в сущности, должно звучать так же, как “Учебник минералогии, изложенной с точки зрения формальной логики”. Ведь это само собой разумеющаяся вещь – рассуждать логически не есть особенность данного учебника или всей минералогии. Ведь диалектика не есть логика, даже шире. Или: “Учебник социологии, с точки зрения диалектического материализма”, вместо “исторического”. Надо создать теорию психологического материализма, и нельзя еще создавать учебники диалектической психологии» [1, с. 421].

Челпанов, со своей стороны, доказывал, что эмпирическая психология не противоречит требованиям марксистской философии. Но это не означало, однако, для Челпанова, что марксизм вообще не находит в психологии никакого применения. Сферой приложения марксизма в психологии Челпанов считал социальную психологию. В своей первой полемической работе «Психология и марксизм», которая была издана в 1924 г., но была написана по следам устных дискуссий, начавшихся еще во второй половине 1922 г., Челпанов писал: «Специально марксистская психология есть психология социальная, изучающая генезис “идеологических форм” по специально марксистскому методу, заключающемуся в изучении происхождения указанных форм в зависимости от изменений социального хозяйства. Такая психология в мировой литературе имеется только в зачаточной форме. В России ее совсем нет. Задача научно-исследовательских психологических институтов организовать именно такие психологические исследования. Они будут представлять собой марксистскую психологию в собственном смысле этого слова. Эмпирическая же и экспериментальная психология марксистской стать не может, как

не может стать марксистской минералогия, химия, физика и т.п.» [3, с. 26–27].

Налицо, как видим, сходство позиций Челпанова и Выготского в вопросе о сущности и понятии марксистской психологии. Оба ученых фактически утверждают одно и то же: нет нужды в этом определении (в конструировании какой-то особой «марксистской психологии»), речь должна идти о психологии вообще.

Не менее показателен и вопрос о соотношении психологии и философии, где Выготский критикует идею Челпанова и о надстройке и подстройке. Именно, Выготский утверждает, что два тезиса Челпанова противоречат друг другу: 1) психология нуждается в подстройке, т.е. в философских понятиях, терминах «до психологии» и 2) психология должна быть свободна от какой бы то ни было философии [см. 1, с. 379]. Однако если эту подстройку понимать как систему, то фактически это то, что Выготский называет опосредующей теорией, методологией. Эту философию в психологии Выготский называет общей наукой, общей психологией, методологией психологии, диалектикой психологии, опосредующей теорией, теорией психологического материализма [1, с. 419–420]. Челпанов называет ее общей психологией, философской психологией, философской подстройкой, психофизическим материализмом.

Выготский не замечает, что то, к чему он призывает, — создание общей психологии, методологии и диалектики психологии — по сути своей является непосредственным продолжением и развитием проблем эмпирической психологии, только, естественно, на новом этапе, в новых условиях, на другом эмпирическом материале, являющемся и более обширным, и более разноплановым, чем 20–30 лет назад. Выготский ставит вопрос так, как будто вообще нет и не было в психологии никакой общей психологии, никто ранее

в психологии не ставил философских и методологических вопросов и т.п. В лучшем случае, признавая наличие в прошлом таких исследований, Выготский относится к ним, как к не заслуживающему внимания старому и устаревшему, сегодня уже не имеющему никакого значения материалу. Что интересно, в одном месте Выготский пишет о том, что различные теории в геометрии — Евклида, Лобачевского, Римана — не развенчивают в ходе развития науки одна другую, а сосуществуют, дополняя друг друга [см. 1, с. 371]. Вполне закономерно, что в конечном счете Выготский, говоря о «камне, который презрели строители», приходит к тому же тезису, что и Челпанов — о пользе и необходимости философии для психологии.

Позицию Челпанова Выготский характеризует как путь, который приведет «к попытке отрицать все исторические тенденции развития психологии, к терминологической революции, — короче, к грубому искажению и марксизма, и психологии. Это и есть путь Челпанова. Не навязывать природе диалектические принципы, а находить в ней — формула Энгельса здесь сменяется обратной: в психологию вводятся принципы диалектики извне. Путь марксистов должен быть иным» [1, с. 419].

Каким же должен быть путь марксистов в психологии с точки зрения Выготского? Выготский пишет: «Непосредственное приложение теории диалектического материализма к вопросам естествознания, и в частности к группе наук биологических и к психологии, невозможно, как невозможно непосредственно приложить ее к истории и социологии. У нас думают, что проблема “психология и марксизм” сводится только к тому, чтобы создать отвечающую марксизму психологию, но на деле она гораздо сложнее. Так же как история, социология нуждается

в посредующей особой теории исторического материализма, выясняющей конкретное значение для данной группы явлений абстрактных законов диалектического материализма. Так точно нужна еще не созданная, но неизбежная теория биологического материализма, психологического материализма как посредующая наука, выясняющая конкретное применение абстрактных положений диалектического материализма к данной области явлений». Заканчивает это рассуждение Выготский выводом: «Диалектика охватывает природу, мышление, историю — она есть самая общая, предельно универсальная наука; теория психологического материализма или диалектика психологии и есть то, что я называю общей психологией» [1, с. 419–420].

Челпанов, со своей стороны, в своей последней полемической работе «Спинозизм и материализм» [5] пришел к идее об особом «психофизическом материализме», видя в этом понятии разрешение проблемы. В предисловии к брошюре (которая еще не была опубликована, когда Выготский писал свою работу) Челпанов писал: «Мне неоднократно ставили в упрек, что я, пытаясь установить характер материализма Маркса, совершенно не касаюсь вопроса о диалектическом материализме. Делаю это потому, что, по моему мнению, разъяснение понятия диалектического материализма у Маркса совсем не дает ответа на вопрос о сущности марксистской психологии. Нужно дать себе ясный отчет о существенном различии между двумя видами материализма: диалектическим и психофизическим. Диалектический материализм относится ко всей действительности, а психофизический материализм — только к некоторой вырезке действительности — именно к психической области» [20, с. 4].

В виде тезисов Челпанов выражает свою мысль следующим образом: «При определении места психологии в системе

марксизма следует пользоваться не понятием диалектического материализма, а понятием психофизического материализма, так как закон диалектического развития, будучи универсальным законом, не указывает специфических признаков, присущих психической области» [20, с. 45].

Выготский, как мы убедились, считал несколько по-иному. У Выготского первичным был тезис о кризисе в психологии, а вопрос о месте и роли марксизма в его преодолении — вторичным. Выготский утверждал, что психология находится в кризисе, для выхода из которого надо создавать методологию психологии, особую общепсихологическую теорию, и марксизм здесь может быть использован при построении этой теории в качестве средства и образца для подражания, указывая при этом на «Капитал» К. Маркса. В отличие от Челпанова, понимающего марксизм как мировоззрение, т.е. совокупность различных воззрений (научных, философских, политических), Выготский, различая в марксизме философию и науку, уходит от анализа воздействия марксизма в качестве идеологии на психологию. Выготский сознательно оставлял как не заслуживающую внимания борьбу в СССР на идеологическом фронте, борьбу в психологии в контексте этой общегосударственной борьбы, факты идеологического принуждения и насилия в сфере науки и философии в 20-е гг. в СССР. Выготский даже иронизировал над словами Челпанова о том, что некоторые лица (Г.И. Челпанов имел в виду В.М. Бехтерева, П.П. Блонского и К.Н. Корнилова) затеяли реформу психологии с помощью марксизма, и в этом состоит вся проблема. Выготский возражал против такой трактовки, подчеркивая, что о необходимости реформ в психологии в связи с кризисом в ней писали и пишут сейчас за рубежом Д. Уотсон, Г. Мюнстерберг, Л. Бинсвангер, а в России

еще до революции писали Н.Н. Ланге, С.Л. Франк, В.А. Вагнер.

Таким образом, в вопросе о значении марксизма для психологии и о марксистской психологии позиции Выготского и Челпанова, различаясь по форме, содержательно были во многом близки. Оба они считали необходимым доказать (а не принимать на веру или брать в качестве аксиомы) тезис о том, что марксизм нужен психологии — в отличие, например, от К.Н. Корнилова, который приятие марксизма и возможность построения марксистской психологии основывал на идеологических соображениях и субъективной убежденности в правоте своих новаторских идей. Челпанов всячески убеждал своих оппонентов, что психология уже является научной, уже соответствует марксизму, поэтому в ней ничего менять не надо. Челпанов утверждал, что можно обойтись без марксизма, так как психология соответствует марксизму — точнее, марксизм соответствует психологии (впрочем, добавлял Челпанов, в определенных вопросах, касающихся психологии, марксизм должен быть дополнен и исправлен, чтобы соответствовать современному уровню психологических знаний). Выготский об этом говорил по-другому, но по сути логика у Челпанова и Выготского одна и та же: марксизм (диалектический материализм) является знанием абстрактным, поэтому необходимо опосредующее звено, которое Челпанов называл «психофизическим материализмом», а Выготский — «психологическим материализмом». Трудно найти более убедительное доказательство, свидетельствующее о принципиальном сходстве взглядов Выготского и Челпанова.

Подводя итоги заочной дискуссии между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым, следует сказать, что те или иные сходства и различия во взглядах Челпанова и Выготского являются, как мы сейчас понимаем, производными от более

общего явления, заключающегося в том, что советская психология (впрочем, как и вся мировая психология XX в.) в период открытого кризиса (в первой трети XX в.) не только от многого отказалась, но и многое взяла из предшествующей эмпирической психологии.

В России в 1920-е гг. произошел разрыв, разлом между русской дореволюционной и последующей советской психологией, конкретным выражением чего может служить, с одной стороны, Челпанов, а с другой — Выготский. В значительной мере характер связи между ними можно обобщить и перенести на отечественную психологию в целом: если мы видим только разрыв, разлом, противоречивость, противопоставление между Челпановым и Выготским, то это можно сказать и об отношениях между русской дореволюционной и советской (20-х и последующих годов) психологией. Но не меньше оснований у нас есть и для того, чтобы видеть между Челпановым и Выготским преемственность, традицию, нечто общее, единое, их сближающее. А это значит, что точно так же мы можем охарактеризовать и отношение между русской дореволюционной и последующей советской психологией.

Поэтому при рассмотрении соотношения взглядов Челпанова и Выготского обе крайности (либо полное противопоставление, либо преемственность и единство) являются односторонними. Внешнее противопоставление не должно заслонять от нас внутреннего единства. Детальное изучение вопросов, по которым Выготский противопоставляет свои взгляды взглядам Челпанова, показывает, что во многих случаях в глубине лежит не различие, а сходство и совпадение этих взглядов. Это совпадение не могли нивелировать даже такие сильнодействующие факторы, как марксизм и общая идейно-политическая атмосфера в стране в 20-е гг.

В заключение хочется выразить надежду, что данная статья будет в определенной мере способствовать преодолению некоторых живучих идеологических стереотипов и искажений (как исторических, так и теоретических, содержательных) в вопросах оценки научных и философских взглядов Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского самих по себе и в соотношении друг с другом. Следует окончательно ликвидировать советское идеологическое наследие («берлинскую стену», «железный занавес») в отечественной историографии психологии — разрыв между психологией «старой», эмпирической, и психологией «новой», современной. Время лечит, но мы всегда должны стремиться к тому, чтобы его средством лечения и результатом стало не успокоительное

забвение, а обретение истинного знания о прошлом.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: в 6-ти т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–487.
2. *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л.: Госиздат, 1926.
3. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. 2-е изд. М.: Русский книжник, 1925.
4. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или условные рефлексы? М.-Л.: Издание автора, 1926.
5. *Челпанов Г.И.* Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии). М.: Издание автора, 1927.
6. *Ярошевский М.Г.* Две научные школы в отчем доме психологов России // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 8–12.